ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

СНЕГА КИЛИМАНДЖАРО

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Эксклюзивная классика (АСТ)

Эрнест Хемингуэй

Снега Килиманджаро (сборник)

«АСТ»

1924, 1925, 1927, 1933, 1936

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хемингуэй Э. М.

Снега Килиманджаро (сборник) / Э. М. Хемингуэй — «АСТ», 1924, 1925, 1927, 1933, 1936 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-106099-2

В творчестве Хемингуэя произведения короткой формы всегда занимали особое место. В этот сборник вошли рассказы разных лет, в том числе «визитные карточки» писателя – «Снега Килиманджаро» и «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера». Как всегда, проза Хемингуэя – очень личная, во многом автобиографичная. В этих рассказах отразились влюбленность писателя в Африку, его любовь к охоте и, конечно же, его душевные переживания, его взаимоотношения с женщинами, воспоминания о Париже и о войне.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-106099-2

© Хемингуэй Э. М., 1924, 1925, 1927, 1933, 1936
© АСТ, 1924, 1925, 1927, 1933, 1936

Содержание

Из книги «В наше время» 6
Глава первая 6
Глава вторая 9
Глава третья 12
Глава четвертая 15
Глава пятая 22
Глава шестая 28
Глава седьмая 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Эрнест Хемингуэй
Снега Килиманджаро
Сборник

Ernest Hemingway
In Our Time
Men Without Women
Winner Takes Nothing
The Fifth Column
The First Forty-nine Stories

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1924, 1925, 1927, 1933, 1938
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

* * *

Из книги «В наше время»

Глава первая

[1]

Все были пьяны. Пьяна была вся батарея, в темноте двигавшаяся по дороге. Мы двигались по направлению к Шампани. Лейтенант то и дело сворачивал с дороги в поле и говорил своей лошади: «Я пьян, mon vieux[2]*, я здорово пьян. Ох! Ну и накачался же я». Мы шли в темноте по дороге всю ночь, и адъютант то и дело подъезжал к моей кухне и твердил: «Затуши огонь. Опасно. Нас заметят». Мы находились в пятидесяти километрах от фронта, но адъютанту не давал покоя огонь моей кухни. Чудно было идти по этой дороге. Я в то время был старшим по кухне.*

1923

Индейский поселок

На озере у берега была причалена чужая лодка. Возле стояли два индейца, ожидая.

Ник с отцом перешли на корму, индейцы оттолкнули лодку, и один из них сел на весла. Дядя Джордж сел на корму другой лодки. Молодой индеец столкнул ее в воду и тоже сел на весла.

Обе лодки отплыли в темноте. Ник слышал скрип уключин другой лодки далеко впереди, в тумане. Индейцы гребли короткими, резкими рывками. Ник прислонился к отцу, тот обнял его за плечи. На воде было холодно. Индеец греб изо всех сил, но другая лодка все время шла впереди в тумане.

– Куда мы едем, папа? – спросил Ник.

– На ту сторону, в индейский поселок. Там одна индианка тяжело больна.

– А… – сказал Ник.

Когда они добрались, другая лодка была уже на берегу. Дядя Джордж в темноте курил сигару. Молодой индеец вытащил их лодку на песок. Дядя Джордж дал обоим индейцам по сигаре.

От берега они пошли лугом по траве, насквозь промокшей от росы; впереди молодой индеец нес фонарь. Затем вошли в лес и по тропинке выбрались на дорогу, уходившую вдаль, к холмам. На дороге было гораздо светлей, так как по обе стороны деревья были вырублены. Молодой индеец остановился и погасил фонарь, и они пошли дальше по дороге.

За поворотом на них с лаем выбежала собака. Впереди светились огни лачуг, где жили индейцы-корьевщики. Еще несколько собак кинулись на них. Индейцы прогнали собак назад, к лачугам.

В окне ближней лачуги светился огонь. В дверях стояла старуха, держа лампу. Внутри на деревянных нарах лежала молодая индианка. Она мучилась родами уже третьи сутки. Все старухи поселка собрались возле нее. Мужчины ушли подальше; они сидели и курили в темноте на дороге, где не было слышно ее криков. Она опять начала кричать, как раз в ту минуту, когда оба индейца и Ник вслед за отцом и дядей Джорджем вошли в барак. Она лежала на нижних

---

[1] © Перевод. О. Холмская, наследники, 2017.

[2] Дружище (*фр.*).

нарах, живот ее горой поднимался под одеялом. Голова была повернута набок. На верхних нарах лежал ее муж. Три дня тому назад он сильно поранил ногу топором. Он курил трубку. В лачуге очень дурно пахло.

Отец Ника велел поставить воды на очаг и, пока она нагревалась, говорил с Ником.

– Видишь ли, Ник, – сказал он, – у этой женщины должен родиться ребенок.

– Я знаю, – сказал Ник.

– Ничего ты не знаешь, – сказал отец. – Слушай, что тебе говорят. То, что с ней сейчас происходит, называется родовые схватки. Ребенок хочет родиться, и она хочет, чтобы он родился. Все ее мышцы напрягаются для того, чтобы помочь ему родиться. Вот что происходит, когда она кричит.

– Понимаю, – сказал Ник.

В эту минуту женщина опять закричала.

– Ох, папа, – сказал Ник, – разве ты не можешь ей дать чего-нибудь, чтобы она не кричала?

– Со мной нет анестезирующих средств, – ответил отец. – Но ее крики не имеют значения. Я не слышу ее криков, потому что они не имеют значения.

На верхних нарах муж индианки повернулся лицом к стене. Другая женщина в кухне знаком показала доктору, что вода вскипела. Отец Ника прошел на кухню и половину воды из большого котла отлил в таз. В котел он положил какие-то инструменты, которые принес с собой завернутыми в носовой платок.

– Это должно прокипеть, – сказал он и, опустив руки в таз, стал тереть их мылом, принесенным с собой из лагеря.

Ник смотрел, как отец трет мылом то одну, то другую руку. Проделывая это с большим старанием, отец одновременно говорил с Ником.

– Видишь ли, Ник, ребенку полагается идти головой вперед, но это не всегда так бывает. Когда это не так, он всем доставляет массу хлопот. Может быть, понадобится операция. Сейчас увидим.

Когда он убедился, что руки вымыты чисто, он прошел обратно в комнату и приступил к делу.

– Отверни одеяло, Джордж, – сказал он, – я не хочу к нему прикасаться.

Позже, когда началась операция, дядя Джордж и трое индейцев держали женщину. Она укусила дядю Джорджа за руку, и он сказал: «Ах, сукина дочь!» – и молодой индеец, который вез его через озеро, засмеялся. Ник держал таз. Все это тянулось очень долго.

Отец Ника подхватил ребенка, шлепнул его, чтобы вызвать дыхание, и передал старухе.

– Видишь, Ник, это мальчик, – сказал он. – Ну, как тебе нравится быть моим ассистентом?

– Ничего, – сказал Ник. Он смотрел в сторону, чтобы не видеть, что делает отец.

– Так. Ну, теперь все, – сказал отец и бросил что-то в таз.

Ник не смотрел туда.

– Ну, – сказал отец, – теперь только наложить швы. Можешь смотреть, Ник, или нет, как хочешь. Я сейчас буду зашивать разрез.

Ник не стал смотреть. Всякое любопытство у него давно пропало.

Отец кончил и выпрямился. Дядя Джордж и индейцы тоже поднялись. Ник отнес таз на кухню.

Дядя Джордж посмотрел на свою руку. Молодой индеец усмехнулся.

– Сейчас я тебе промою перекисью, Джордж, – сказал доктор.

Он наклонился над индианкой. Она теперь лежала совсем спокойно, с закрытыми глазами. Она была очень бледна. Она не сознавала, ни что с ее ребенком, ни что делается вокруг.

– Я приеду завтра, – сказал доктор. – Сиделка из Сент-Игнеса, наверно, будет здесь в полдень и привезет все, что нужно.

Он был возбужден и разговорчив, как футболист после удачного матча.

– Вот случай, о котором стоит написать в медицинский журнал, Джордж, – сказал он. – Кесарево сечение при помощи складного ножа и швы из девятифутовой вяленой жилы.

Дядя Джордж стоял, прислонившись, к стене, и разглядывал свою руку.

– Ну еще бы, ты у нас знаменитый хирург, – сказал он.

– Надо взглянуть на счастливого отца. Им, пожалуй, всех хуже приходится при этих маленьких семейных событиях, – сказал отец Ника. – Хотя, должен сказать, он это перенес на редкость спокойно.

Он откинул одеяло с головы индейца. Рука его попала во что-то мокрое. Он стал на край нижней койки, держа в руках лампу, и заглянул наверх. Индеец лежал лицом к стене. Горло у него было перерезано от уха до уха. Кровь лужей собралась в том месте, где доски прогнулись под тяжестью его тела. Голова его лежала на левой руке. Открытая бритва, лезвием вверх, валялась среди одеял.

– Уведи Ника, Джордж, – сказал доктор.

Но он поздно спохватился. Нику от дверей кухни отлично были видны верхняя койка и жест отца, когда тот, держа в руках лампу, повернул голову индейца.

Начинало светать, когда они шли обратно по дороге к озеру.

– Никогда себе не прощу, что взял тебя с собой, Ник, – сказал отец. Все его недавнее возбуждение прошло. – Надо ж было случиться такой истории.

– Что, женщинам всегда так трудно, когда у них родятся дети? – спросил Ник.

– Нет, это был совершенно исключительный случай.

– Почему он убил себя, папа?

– Не знаю, Ник. Не мог вынести, должно быть.

– А часто мужчины себя убивают?

– Нет, Ник. Не очень.

– А женщины?

– Еще реже.

– Никогда?

– Ну, иногда случается.

– Папа!

– Да?

– Куда пошел дядя Джордж?

– Он сейчас придет.

– Трудно умирать, папа?

– Нет. Я думаю, это совсем нетрудно, Ник. Все зависит от обстоятельств.

Они сидели в лодке: Ник – на корме, отец – на веслах. Солнце вставало над холмами. Плеснулся окунь, и по воде пошли круги. Ник опустил руку в воду. В резком холоде утра вода казалась теплой.

В этот ранний час на озере, в лодке, возле отца, сидевшего на веслах, Ник был совершенно уверен, что никогда не умрет.

1924

Глава вторая

[3]

За топкой низиной виднелись сквозь дождь минареты Адрианополя. Дорога на Карачаг была на тридцать миль забита повозками. Волы и буйволы тащили их по непролазной грязи. Ни конца, ни начала. Одни повозки, груженные всяким скарбом. Старики и женщины, промокшие до костей, шли вдоль дороги, подгоняя скотину. Марица неслась, желтая, почти вровень с мостом. Мост был сплошь забит повозками, и верблюды, покачиваясь, пробирались между ними. Поток беженцев направляла греческая кавалерия. В повозках среди узлов, матрацев, зеркал, швейных машин ютились женщины с детьми. У одной начались роды, и сидевшая рядом с ней девушка прикрывала ее одеялом и плакала. Ей было страшно смотреть на это. Во время эвакуации не переставая лил дождь.

Доктор и его жена

Дик Болтон явился из индейского лагеря, чтобы распилить бревна для отца Ника. Он привел с собой сына Эдди и еще одного индейца по имени Билли Тэбешо. Они пришли из леса, через заднюю калитку. Эдди нес длинную поперечную пилу, и она с мелодичным звуком хлопала его по плечу. Билли Тэбешо тащил два больших багра. Дик нес под мышкой три топора.

Дик задержался, чтобы прикрыть калитку. Остальные сразу направились на берег озера, где лежали занесенные песком бревна.

Они отбились от больших бонов, которые буксировал на лесопильню пароход «Мэджик». Бревна вынесло на берег, и если оставить их лежать, рано или поздно команда «Мэджика» приплывет на гребной шлюпке, заметит бревна, загонит в каждое по железному костылю с кольцом и вытащит их на середину озера, чтобы собрать новый бон. Однако лесорубы могут и не появиться, ведь несколько бревен не стоят денег, которые нужно заплатить команде. И если никто не придет, бревна превратятся в топляк и сгниют на песке.

Отец Ника считал, что так и будет, а потому нанял индейцев, чтобы те распилили бревна поперечной пилой и накололи поленьев для камина. Дик Болтон миновал дом и спустился к озеру. На берегу лежали четыре больших буковых бревна, почти полностью занесенные песком. Эдди повесил пилу в развилку дерева. Дик положил топоры на небольшую пристань. Он был полукровкой, и многие местные фермеры считали его белым. Он был очень ленив, но если брался за дело, трудился на совесть. Дик достал из кармана плитку табака, откусил кусок и заговорил на оджибве с Эдди и Билли Тэбешо.

Индейцы воткнули крючья багров в одно из бревен и раскачали его, чтобы высвободить из песка. Потом навалились на рукоятки. Бревно сдвинулось. Дик посмотрел на отца Ника и сказал:

– Отличную древесину ты своровал, док.

– Не надо так говорить, Дик, – возразил доктор. – Это плавник.

Эдди и Билли Тэбешо высвободили бревно из мокрого песка и откатили к воде.

– Толкайте в воду! – крикнул им Дик Болтон.

– Зачем это? – спросил доктор.

– Нужно его отмыть. Песок мешает пилить. И я хочу поглядеть, чье оно, – ответил Дик.

Бревно покачивалось на воде. Эдди и Билли Тэбешо стояли, опершись на багры, потея на солнце. Дик опустился на колени, изучил отпечаток молотка сортировщика на конце бревна.

– Оно принадлежит Уайту и МакНэлли, – объявил он, поднимаясь и отряхивая брюки.

---

[3] © Перевод. К. Егорова, 2017.

Доктор явно чувствовал себя неловко.

– Значит, не стоит его пилить, Дик, – бросил он.

– Не сердись, док, – сказал Дик. – Не сердись. Мне плевать, у кого ты их украл. Это не мое дело.

– Если ты думаешь, что бревна краденые, оставь их в покое и убирайся обратно в лагерь, – рявкнул доктор. Его лицо покраснело.

– Не кипятись, док, – сказал Дик и сплюнул табачным соком на бревно. Слюна стекла в воду, расплылась. – Ты сам прекрасно знаешь, что они краденые. Мне все равно.

– Ну ладно. Раз ты думаешь, что бревна краденые, забирай свои вещи и проваливай.

– Послушай, док…

– Забирай вещи и проваливай.

– Док.

– Еще раз назовешь меня доком, и я вколочу твои зубы тебе в глотку.

– Это вряд ли, док.

Дик Болтон посмотрел на доктора. Дик был крупным парнем и знал это. Ему нравилось драться. Он наслаждался ссорой. Эдди и Билли Тэбешо стояли, опершись на багры, и глядели на доктора. Доктор пожевал бороду на нижней губе, посмотрел на Дика Болтона. Потом развернулся и зашагал к дому на холме. Спина доктора буквально дрожала от ярости. Индейцы провожали его взглядом, пока он не скрылся в доме.

Дик сказал что-то на оджибве. Эдди рассмеялся, но Билли Тэбешо был очень серьезен. Он не понимал по-английски, однако потел все время, пока шла перепалка. Билли Тэбешо был толстым, с жиденькими, как у китайца, усиками. Он взял багры, Дик захватил топоры, а Эдди снял с дерева пилу. Они прошли мимо дома и вышли через заднюю калитку. Дик оставил калитку распахнутой. Билли Тэбешо вернулся и притворил ее. Индейцы скрылись в лесу.

Доктор сидел на постели в своей комнате и смотрел на стопку медицинских журналов, лежавших на полу возле конторки. Журналы были в упаковке. Это злило доктора.

– Ты не собираешься вернуться к работе, дорогой? – спросила жена доктора, которая лежала в комнате с закрытыми жалюзи.

– Нет!

– Что-то стряслось?

– Я поругался с Диком Болтоном.

– О. Надеюсь, ты не вышел из себя, Генри?

– Нет, – ответил доктор.

– Помни, что владеющий собою лучше завоевателя города[4], – сказала его жена. Она изучала христианство. На столике возле ее кровати лежали Библия, книга «Наука и здоровье» и брошюра «Христианская наука».

Доктор промолчал. Он сидел на постели и чистил дробовик. Заполнил магазин тяжелыми желтыми патронами, потом разрядил оружие. Патроны рассыпались по одеялу.

– Генри, – позвала жена. Немного подождала. – Генри!

– Да, – откликнулся доктор.

– Ты ведь не сказал Болтону ничего обидного?

– Нет.

– А из-за чего вышла ссора?

– Из-за ерунды.

– Пожалуйста, скажи, Генри. Не пытайся ничего от меня скрыть. Из-за чего вышла ссора?

– Дик должен мне кучу денег, потому что я вылечил его скво от пневмонии. Думаю, он затеял ссору, чтобы не отрабатывать их.

---

[4] Притч. 16:32.

Его жена молчала. Доктор тщательно вытер дробовик ветошью. Снова заполнил магазин патронами. И сидел, держа дробовик на коленях. Он очень любил его. Потом жена сказала из темной комнаты:

– Дорогой, я не верю, действительно не верю, что кто-то способен на такой поступок.

– Да? – спросил доктор.

– Да. Я не могу поверить, что кто-то может поступить так осознанно.

Доктор поднялся и поставил дробовик в угол за комодом.

– Ты уходишь, дорогой? – сказала жена.

– Пройдусь, пожалуй, – ответил доктор.

– Если встретишь Ника, передай, что его хотела видеть мама, – попросила она.

Доктор вышел на крыльцо, хлопнув сетчатой дверью. Услышал, как ахнула жена.

– Прости, – сказал он под ее окном с закрытыми жалюзи.

– Все в порядке, дорогой, – ответила она.

Под палящим солнцем он вышел за калитку и по тропинке углубился в тсуговый лес. Даже в жаркий день там было прохладно. Он нашел Ника, который сидел, прислонившись к дереву, и читал книгу.

– Мать хочет видеть тебя, – сказал доктор.

– Я хочу пойти с тобой, – ответил Ник.

Отец посмотрел на него.

– Ладно, пошли, – сказал он. – Дай мне книгу, я положу ее в карман.

– Папа, я знаю, где живут черные белки, – сообщил Ник.

– Что ж, – ответил отец, – пойдем посмотрим.

1924

Глава третья

[5]

Мы попали в какой-то сад в Монсе. Бакли вернулся со своим патрулем с того берега реки. Первый немец, которого мне пришлось увидеть, перелезал через садовую ограду. Мы дождались, когда он перекинет ногу по нашу сторону, и ухлопали его. На нем была пропасть всякой амуниции. Он разинул рот от удивления и свалился в сад. Потом через ограду в другом месте стали перелезать еще трое. Мы их тоже подстрелили. Они все так появлялись.

1923

Что-то кончилось

В прежние времена Хортонс-Бей был городком при лесопильном заводе. Жителей его всюду настигал звук больших пил, визжавших на берегу озера. Потом наступило время, когда пилить стало нечего, потому что поставка бревен кончилась. В бухту пришли лесовозные шхуны и приняли баланс, сложенный штабелями во дворе. Груды теса тоже свезли. Заводские рабочие вынесли из лесопилки все оборудование и погрузили его на одну из шхун. Шхуна вышла из бухты в открытое озеро, унося на борту, поверх теса, которым был забит трюм, две большие пилы, тележку для подвоза бревен к вращающимся круглым пилам, все валы, колеса, приводные ремни и металлические части. Грузовой люк ее был затянут брезентом, туго перевязан канатами, и она на всех парусах вышла в открытое озеро, унося на борту все, что делало завод заводом, а Хортонс-Бей – городом.

Одноэтажные бараки, столовая, заводская лавка, контора и сам завод стояли заброшенные среди опилок, покрывавших целые акры болотистого луга вдоль берега бухты.

Через десять лет от завода не осталось ничего, кроме обломков белого известнякового фундамента, проглядывавших сквозь болотный подлесок, мимо которого проплывали в лодке Ник и Марджори. Они ловили рыбу на дорожку у самого берега канала, в том месте, где дно сразу уходит с песчаной отмели вниз, под двенадцать футов темной воды. Спустив с лодки дорожку, они плыли к мысу, расставить там на ночь удочки для ловли радужной форели.

– А вот и наши развалины, Ник, – сказала Марджори.

Занося весла, Ник оглянулся на белые камни среди зелени кустарника.

– Да, они самые, – сказал он.

– Ты помнишь, когда тут был завод? – спросила Марджори.

– Смутно, – сказал Ник.

– Похоже скорее, будто тут стоял замок, – сказала Марджори.

Ник промолчал. Они плыли вдоль берега, пока завод не скрылся из виду. Тогда Ник направил лодку через бухту.

– Не клюет, – сказал он.

– Да, – сказала Марджори. Она не спускала глаз с дорожки даже во время разговора. Она любила удить рыбу. Она любила удить рыбу с Ником.

У самой лодки блеснула большая форель. Ник налег на правое весло, стараясь повернуть лодку и провести тянувшуюся далеко позади наживку в том месте, где охотилась форель. Как только спина форели показалась из воды, пескари метнулись от нее в разные стороны. По воде пошли брызги, точно туда бросили пригоршню дробинок. С другой стороны лодки плеснула еще одна форель.

---

[5] © Перевод. Н. Волжина, наследники, 2017.

– Кормятся, – сказала Марджори.

– Да, но клева-то нет, – сказал Ник.

Он повернул лодку так, чтобы провести дорожку мимо охотившихся форелей, а потом стал грести к мысу. Марджори начала наматывать лесу на катушку только тогда, когда лодка коснулась носом берега.

Они вытащили ее на песок, и Ник взял с кормы ведро с живыми окунями. Окуни плавали в ведре. Ник выловил трех, отрезал им головы и счистил чешую, а Марджори все еще шарила руками в ведре; наконец она поймала одного окуня и тоже отрезала ему голову и счистила чешую. Ник посмотрел на рыбку у нее в руке.

– Брюшной плавник не надо срезать, – сказал он. – Для наживки и так сойдет, но с брюшным плавником все-таки лучше.

Он насадил очищенных окуней с хвоста. У каждого удилища на конце поводка было по два крючка. Марджори отъехала от берега, зажав леску в зубах и глядя на Ника, а он стоял на берегу и держал удочку, пока не размоталась вся катушка.

– Ну, кажется, так! – крикнул он.

– Бросать? – спросила Марджори, взяв леску в руку.

– Да, бросай.

Марджори бросила леску за борт и стала смотреть, как наживка уходит под воду.

Она снова подъехала к берегу и проделала то же самое со второй леской. Ник положил по тяжелой доске на конец каждой удочки, чтобы они крепче держались, а снизу подпер их досками поменьше. Потом повернул назад ручки на обеих катушках, туго натянул лески между берегом и песчаным дном канала, куда была брошена наживка, и защелкнул затворы. Плавая в поисках корма у самого дна, форель схватит наживку, кинется с ней, размотает за собой леску, предохранитель опустится, и катушка зазвенит.

Марджори отъехала подальше, чтобы не задеть лесок. Она налегла на весла, и лодка пошла вдоль берега. Вслед за ней по воде тянулась мелкая рябь. Марджори вышла на берег, и Ник втащил лодку выше на песок.

– Что с тобой, Ник? – спросила Марджори.

– Не знаю, – ответил Ник, собирая хворост для костра.

Они разложили костер. Марджори сходила к лодке и принесла одеяло. Вечерний ветер относил дым к мысу, и Марджори расстелила одеяло левее, между костром и озером.

Марджори села на одеяло спиной к костру и стала ждать Ника. Он подошел и сел рядом с ней. Сзади них на мысу был частый кустарник, а впереди – залив с устьем Хортонс-Крика. Стемнеть еще не успело. Свет от костра доходил до воды. Им были видны два стальных удилища, поставленных под углом к темной воде. Свет от костра поблескивал на катушках.

Марджори достала из корзинки еду.

– Мне не хочется, – сказал Ник.

– Поешь чего-нибудь, Ник.

– Ну, давай.

Они ели молча и смотрели на удочки и отблески огня на воде.

– Сегодня будет луна, – сказал Ник. Он посмотрел на холмы за бухтой, которые все резче выступали на темном небе. Он знал, что за холмами встает луна.

– Да, я знаю, – сказала Марджори счастливым голосом.

– Ты все знаешь, – сказал Ник.

– Перестань, Ник. Ну пожалуйста, не будь таким.

– А что я могу поделать? – сказал Ник. – Ты все знаешь. Решительно все. В том-то и беда. Ты прекрасно сама это знаешь.

Марджори ничего не ответила.

– Я научил тебя всему. Ты же все знаешь. Ну, например, чего ты не знаешь?

– Перестань! – сказала Марджори. – Вон луна выходит.

Они сидели на одеяле, не касаясь друг друга, и смотрели, как поднимается луна.

– Зачем выдумывать глупости? – сказала Марджори. – Говори прямо, что с тобой?

– Не знаю.

– Нет, знаешь.

– Нет, не знаю.

– Ну скажи мне.

Ник посмотрел на луну, выходящую из-за холмов.

– Скучно.

Он боялся взглянуть на Марджори. Он взглянул на Марджори. Она сидела спиной к нему. Он посмотрел на ее спину.

– Скучно. Все стало скучно.

Она молчала. Он снова заговорил:

– У меня такое чувство, будто все во мне оборвалось. Не знаю, Марджори. Не знаю, что тебе сказать.

Он все еще смотрел ей в спину.

– И любить скучно? – спросила Марджори.

– Да, – сказал Ник.

Марджори встала. Ник сидел, опустив голову на руки.

– Я возьму лодку, – крикнула ему Марджори. – Ты можешь пройти пешком вдоль мыса.

– Хорошо, – сказал Ник. – Я тебе помогу.

– Не надо, – сказала Марджори.

Она плыла в лодке по заливу, освещенному луной. Ник вернулся и лег ничком на одеяло у костра. Он слышал, как Марджори работает веслами.

Он долго лежал так. Он лежал так, а потом услышал шаги Билла, вышедшего на просеку из леса. Он почувствовал, что Билл подошел к костру. Билл не дотронулся до него.

– Ну что, ушла?

– Да, – сказал Ник, уткнувшись лицом в одеяло.

– Устроила сцену?

– Никаких сцен не было.

– Ну а ты как?

– Уйди, Билл. Погуляй там где-нибудь.

Билл выбрал себе сандвич в корзинке и пошел взглянуть на удочки.

Глава четвертая

[6]

Жарища в тот день была адова. Мы соорудили поперек моста совершенно бесподобную баррикаду. Баррикада получилась просто блеск. Высокая чугунная решетка – с ограды перед домом. Такая тяжелая, что сразу не сдвинешь, но стрелять через нее удобно, а им пришлось бы перелезать. Шикарная баррикада. Они было полезли, но мы стали бить их с сорока шагов. Они брали ее приступом, а потом офицеры одни выходили вперед и пытались свалить ее. Заграждение получилось совершенно идеальное. Офицеры у них держались великолепно. Мы просто рассвирепели, когда узнали, что правый фланг отошел и нам придется отступать.

Трехдневная непогода

Когда Ник свернул на дорогу, проходившую через фруктовый сад, дождь кончился. Фрукты были уже собраны, и осенний ветер шумел в голых ветках. Ник остановился и подобрал яблоко, блестевшее от дождя в бурой траве у дороги. Он положил яблоко в карман куртки. Из сада дорога вела на вершину холма. Там стоял коттедж, на крыльце было пусто, из трубы шел дым. За коттеджем виднелись гараж, курятник и молодая поросль, поднимавшаяся точно изгородь на фоне леса. Он взглянул в ту сторону – большие деревья раскачивались вдалеке на ветру. Это была первая осенняя буря.

Когда Ник пересек поле за садом, дверь отворилась и из коттеджа вышел Билл. Он остановился на крыльце.

– А-а, Уимидж, – сказал он.

– Хэлло, Билл, – сказал Ник, поднимаясь по ступенькам.

Они постояли на крыльце, глядя на озеро, на сад, на поля за дорогой и поросший лесом мыс. Ветер дул прямо с озера. С крыльца им был виден прибой у мыса Тен-Майл.

– Здорово дует, – сказал Ник.

– Это теперь на три дня, – сказал Билл.

– Отец дома? – спросил Ник.

– Нет. Ушел на охоту. Пойдем в комнаты.

Ник вошел в коттедж. В камине ярко горели дрова. Пламя с ревом рвалось в трубу. Билл захлопнул дверь.

– Выпьем? – сказал он.

Он сходил на кухню и вернулся с двумя стаканами и кувшином воды. Ник достал с полки над камином бутылку виски.

– Ничего? – спросил он.

– Давай, давай, – сказал Билл.

Они сидели у камина и пили ирландское виски с водой.

– Приятно отдает дымком, – сказал Ник и посмотрел через стакан на огонь.

– Это от торфа, – сказал Билл.

– Торф не может попасть в виски, – сказал Ник.

– Это ничего не значит, – сказал Билл.

– А ты видел когда-нибудь торф? – спросил Ник.

– Нет, – сказал Билл.

– И я не видел, – сказал Ник.

Ник протянул ноги к самому огню, и от его башмаков пошел пар.

---

[6] © Перевод. Н. Волжина, наследники, 2017.

– Ты бы разулся, – сказал Билл.

– Я без носков.

– Сними башмаки и просуши, а я дам тебе какие-нибудь носки, – сказал Билл. Он поднялся на чердак, и Ник слышал, как он ходит там наверху. Чердак был под самой крышей, и Билл с отцом и сам Ник иногда спали там. К чердаку примыкал чулан. Они отодвигали койки от того места, где крыша протекала, и застилали их прорезиненными одеялами.

Билл вернулся с парой толстых шерстяных носков.

– Теперь уже поздновато ходить на босу ногу, – сказал он.

– Терпеть не могу влезать в них после лета, – сказал Ник. Он натянул носки и, откинувшись на спинку стула, положил ноги на экран перед камином.

– Смотри продавишь, – сказал Билл.

Ник переложил ноги на выступ камина.

– Есть что-нибудь почитать? – спросил он.

– Только газета.

– Как дела у «Кардиналов»?

– Проиграли подряд две игры «Гигантам».

– Ну, теперь им крышка.

– Нет, на этот раз просто поддались, – сказал Билл. – До тех пор пока Мак Гроу может покупать любого хорошего бейсболиста в лиге, им бояться нечего.

– Ну, всех-то не скупишь, – сказал Ник.

– Кого нужно, покупает, – сказал Билл, – или так их настраивает, что они начинают фордыбачить, и лига с радостью сплавляет их ему.

– Как было с Хайни Зимом, – подтвердил Ник.

– Много ему проку будет от этой дубины.

Билл встал.

– Он здорово бьет, – сказал Ник. Жар от огня припекал ему ноги.

– Хайни Зим неплох на защите, – сказал Билл. – А все-таки команда из-за него проигрывает.

– Может, поэтому Мак Гроу и держится за Хайни, – сказал Ник.

– Может быть, – согласился Билл.

– Нам с тобой ведь не все известно, – сказал Ник.

– Ну конечно. Хотя для нашей дыры мы не так уж плохо осведомлены.

– Все равно как на скачках: лучше ставить на лошадей, когда их в глаза не видел.

– Вот именно.

Билл взял бутылку виски. Его большая рука охватила всю бутылку. Он налил виски в протянутый Ником стакан.

– Сколько воды?

– Столько же.

Он сел на пол рядом со стулом Ника.

– А хорошо, когда начинается осенняя буря, – сказал Ник.

– Замечательно.

– Самое лучшее время года, – сказал Ник.

– Вот уж не согласился бы жить сейчас в городе, – сказал Билл.

– А я хотел бы посмотреть «Уорлд Сириз», – сказал Ник.

– Ну-у, они теперь играют только в Филадельфии да в Нью-Йорке, – сказал Билл. – Нам от этого ни тепло, ни холодно.

– Все-таки интересно, возьмут когда-нибудь «Кардиналы» первенство или нет?

– Как же, дожидайся! – сказал Билл.

– Вот бы обрадовались ребята! – сказал Ник.

– Помнишь, как они разошлись тогда, перед тем как попали в крушение?

– Да-а! – сказал Ник.

Билл потянулся за книгой, которая лежала заглавием вниз на столе у окна, там, куда он положил ее, когда пошел к двери. Прислонившись спиной к стулу Ника, он держал в одной руке стакан, в другой – книгу.

– Что ты читаешь?

– «Ричарда Феверела».

– А я не одолел его.

– Хорошая книга, – сказал Билл. – Неплохая книга, Уимидж.

– А что у тебя есть, чего я еще не читал? – спросил Ник.

– «Любовь в лесу» читал?

– Да. Это про то, как они ложатся спать и кладут между собой обнаженный меч?

– Хорошая книга, Уимидж.

– Книга замечательная. Только я не понимаю, какой им был толк от этого меча? Ведь его все время надо держать лезвием вверх, потому что если меч положить плашмя, то через него можно перекатиться, и тогда он ничему не помешает.

– Это символ, – сказал Билл.

– Наверно, – сказал Ник. – Только здравого смысла в этом ни на грош.

– А «Отвагу» ты читал?

– Вот это интересно! – сказал Ник. – Настоящая книга. Это где его отец все время донимает. У тебя есть что-нибудь еще Хью Уолпола?

– «Темный лес», – сказал Билл. – Про Россию.

– А что он смыслит в России? – спросил Ник.

– Не знаю. Кто их разберет, этих писателей. Может, он жил там еще мальчишкой. Там много всего про Россию.

– Вот бы с ним познакомиться, – сказал Ник.

– А я бы хотел познакомиться с Честертоном, – сказал Билл.

– Если бы он был сейчас здесь, – сказал Ник, – мы бы взяли его завтра на рыбалку в Вуа.

– А может, он не захотел бы пойти на рыбалку? – сказал Билл.

– Еще как захотел бы, – сказал Ник. – Он же замечательный малый. Помнишь «Перелетный кабак»?

Если ангел нам предложит
Воду пить, а не вино, —
Мы поклонимся учтиво
И плеснем ее в окно.

– Правильно, – сказал Ник. – По-моему, он лучше Уолпола.

– Еще бы. Конечно, лучше, – сказал Билл.

– Но Уолпол пишет лучше.

– Не знаю, – сказал Ник. – Честертон классик.

– Уолпол тоже классик, – не сдавался Билл.

– Хорошо бы, они оба были здесь, – сказал Ник. – Мы бы взяли их завтра на рыбалку в Вуа.

– Давай напьемся, – сказал Билл.

– Давай, – согласился Ник.

– Мой старик ругаться не будет, – сказал Билл.

– Ты в этом уверен? – сказал Ник.

– Ну конечно, – сказал Билл.

– А я и так уже немного пьян, – сказал Ник.

– Ничего подобного, – сказал Билл.

Он встал с пола и взял бутылку. Ник подставил ему свой стакан. Он не сводил с него глаз, пока Билл наливал виски. Билл налил стакан до половины.

– Воды сам добавь, – сказал он. – Тут еще только на одну порцию.

– А больше нет? – спросил Ник.

– Есть сколько хочешь, только отец не любит, когда я починаю бутылку.

– Ну конечно, – сказал Ник.

– Он говорит: те, кто починают бутылки, в конце концов спиваются, – пояснил Билл.

– Правильно, – сказал Ник. Это произвело на него большое впечатление. Такая мысль никогда не приходила ему в голову. Он всегда думал, что спиваются те, кто пьет в одиночку.

– А как поживает твой отец? – почтительно спросил он.

– Ничего, – сказал Билл. – Правда, иногда на него находит.

– Он у тебя молодчина, – сказал Ник. Он подлил себе в стакан воды из кувшина. Виски медленно смешивалось с водой. Виски было больше, чем воды.

– Что и говорить, – сказал Билл.

– Мой старик тоже неплохой, – сказал Ник.

– Ну еще бы, – сказал Билл.

– Он уверяет, что никогда в жизни не брал в рот спиртного, – сказал Ник торжественным тоном, точно сообщая о факте, имеющем непосредственное отношение к науке.

– Да, но ведь он доктор. А мой старик – художник. Это совсем другое дело.

– Мой много потерял в жизни, – с грустью сказал Ник.

– Кто его знает, – сказал Билл. – Неизвестно, где найдешь, где потеряешь.

– Он сам говорит, что много потерял, – признался Ник.

– Моему тоже нелегко приходилось, – сказал Билл.

– Значит, один черт, – сказал Ник.

Они смотрели на огонь и размышляли над этой глубокой истиной.

– Пойду принесу полено с заднего крыльца, – сказал Ник. Глядя в камин, он заметил, что огонь начинает гаснуть. Кроме того, ему хотелось доказать, что он умеет пить и не терять здравого смысла. Пусть отец никогда не брал спиртного в рот, Билл все равно не напоит его – Ника, пока сам не напьется.

– Выбери из буковых потолще, – сказал Билл. Он тоже был полон здравого смысла.

Ник возвращался с поленом через кухню и по пути сшиб с кухонного стола кастрюлю. Он положил полено на пол и поднял ее. В кастрюле были замочены сушеные абрикосы. Он старательно подобрал с пола все абрикосы – несколько штук закатилось под плиту – и положил их обратно в кастрюлю. Он подлил в абрикосы воды из стоящего рядом ведра. Он гордился собой. Здравый смысл ни на минуту не изменял ему. Он подошел с поленом к камину. Билл встал и помог ему положить полено в огонь.

– Полено первый сорт, – сказал Ник.

– Я берег его на случай плохой погоды, – сказал Билл. – Такое всю ночь будет гореть.

– И к утру горячие угли останутся на растопку, – сказал Ник.

– Верно, – согласился Билл. Разговор шел в самом возвышенном тоне.

– Выпьем еще, – сказал Ник.

– В буфете должна быть еще одна початая бутылка, – сказал Билл.

Он присел перед буфетом на корточки и достал оттуда квадратную бутылку.

– Шотландское, – сказал он.

– Пойду за водой, – сказал Ник. Он снова ушел на кухню. Он зачерпнул ковшиком холодной родниковой воды из ведра и налил ее в кувшин. На обратном пути он прошел в столовой мимо зеркала и посмотрелся в него. Узнать себя было трудно. Он улыбнулся лицу в зеркале,

и оно ухмыльнулось в ответ. Он подмигнул ему и пошел дальше. Лицо было не его, но это не имело никакого значения.

Билл уже налил виски в стаканы.

– Не многовато ли? – сказал Ник.

– Это нам-то с тобой, Уимидж? – сказал Билл.

– За что будем пить? – спросил Ник, поднимая стакан.

– Давай выпьем за рыбную ловлю, – сказал Билл.

– Хорошо, – сказал Ник. – Джентльмены, да здравствует рыбная ловля!

– Везде и всюду, – сказал Билл. – Где бы ни ловили.

– Рыбная ловля, – сказал Ник. – Пьем за рыбную ловлю!

– А она лучше, чем бейсбол, – сказал Билл.

– Какое же может быть сравнение? – сказал Ник. – Как мы вообще могли говорить о бейсболе?

– Это была ошибка с нашей стороны, – сказал Билл. – Бейсбол – это игра для деревенщины.

Они допили стаканы до дна.

– Теперь выпьем за Честертона.

– И за Уолпола, – подхватил Ник.

Ник налил виски Биллу и себе. Билл подлил в виски воды. Они посмотрели друг на друга. Оба чувствовали себя превосходно.

– Джентльмены! – сказал Билл. – Да здравствуют Честертон и Уолпол.

– Принято, джентльмены, – сказал Ник.

Они выпили. Билл снова налил стаканы. Они сидели в глубоких креслах перед камином.

– Это было очень умно с твоей стороны, Уимидж.

– О чем ты? – спросил Ник.

– О том, что ты порвал с Мардж, – сказал Билл.

– Да, пожалуй, – сказал Ник.

– Так и следовало сделать. Если бы ты не сделал этого, пришлось бы тебе уехать домой, работать и копить деньги на женитьбу.

Ник молчал.

– Раз уж человек женился, пропащее дело, – продолжал Билл. – Больше ему надеяться не на что. Крышка. Спета его песенка. Ты же видел женатых?

Ник молчал.

– Женатого сразу узнаешь, – сказал Билл. – У них такой сытый, женатый вид. Спета их песенка.

– Правильно, – сказал Ник.

– Может, это было нехорошо, порывать так сразу, – сказал Билл. – Но ведь всегда найдешь, в кого влюбиться, и все будет в порядке. Влюбляйся, только не позволяй им портить тебе жизнь.

– Да, – сказал Ник.

– Если бы ты женился на ней, тебе бы досталась в придачу вся их семья. Вспомни только ее мать и этого типа, за которого она вышла замуж.

Ник кивнул.

– Торчали бы они целыми днями у тебя в доме, а тебе пришлось бы ходить к ним по воскресеньям обедать и приглашать их к себе, а она все время учила бы Мардж, что надо делать и чего не надо.

Ник сидел молча.

– Ты еще легко отделался, – сказал Билл. – Теперь она может выйти замуж за кого-нибудь, кто ей под пару, обзаведется семьей и будет счастлива. Масла с водой не смешаешь, и в этих

делах тоже ничего не следует мешать. Все равно как если бы я женился на Айде, которая служит у Стрэттонов. Она, наверно, была бы не прочь.

Ник молчал. Опьянение прошло и оставило его наедине с самим собой. Не было здесь Билла. Сам он не сидел перед камином, не собирался идти завтра на рыбалку с Биллом и его отцом. Он не был пьян. Все прошло. Он знал только одно: когда-то у него была Марджори, а теперь он ее потерял. Она ушла, он прогнал ее. Все остальное не имело никакого значения. Может быть, он никогда больше ее не увидит. Наверное, никогда не увидит. Все ушло, кончилось.

– Выпьем еще, – сказал Ник.

Билл налил виски. Ник подбавил в стаканы немного воды.

– Если бы ты не покончил со всем этим, мы бы не сидели сейчас здесь, – сказал Билл.

Это было верно. Раньше Ник собирался уехать домой и подыскать работу. Потом решил остаться на зиму в Шарльвуа, чтобы быть поближе к Марджори. Теперь он сам не знал, что ему делать.

– Мы бы, наверно, и на рыбную ловлю завтра не пошли, – сказал Билл. – Нет, ты правильно поступил.

– А что я мог с собой поделать? – сказал Ник.

– Знаю. Так всегда бывает, – сказал Билл.

– Вдруг все кончилось, – сказал Ник. – Почему так получилось, не знаю. Я ничего не мог с собой поделать. Все равно как этот ветер: налетит – и в три дня не оставит ни одного листка на деревьях.

– Кончилось и кончилось. Это самое главное, – сказал Билл.

– По моей вине, – сказал Ник.

– По чьей вине, это не важно, – сказал Билл.

– Да, верно, – сказал Ник.

Самое главное было то, что Марджори ушла и он, вероятно, никогда больше не увидит ее. Он говорил с ней о том, как они поедут в Италию, как им там будет хорошо вдвоем. О местах, в которых они побывают. Все это ушло теперь. И он сам что-то потерял.

– Кончилось, и точка, а остальное пустяки, – сказал Билл. – Знаешь, Уимидж, я очень за тебя беспокоился, пока это тянулось. Ты правильно поступил. Ее мамаша на стену лезет от досады. Она всем говорила, что вы помолвлены.

– Мы не были помолвлены, – сказал Ник.

– А говорят, что были.

– Я тут ни при чем, – сказал Ник. – Мы не были помолвлены.

– Разве вы не собирались пожениться? – спросил Билл.

– Собирались. Но мы не были помолвлены, – сказал Ник.

– Тогда какая разница? – скептически спросил Билл.

– Не знаю. Разница все-таки есть.

– Я ее не вижу, – сказал Билл.

– Ладно, – сказал Ник. – Давай напьемся.

– Ладно, – сказал Билл. – Напьемся по-настоящему.

– Напьемся, а потом пойдем купаться, – сказал Ник.

Он допил свой стакан.

– Мне ее очень жалко, но что я мог поделать? – сказал он. – Ты же знаешь, какая у нее мать.

– Ужасная! – сказал Билл.

– Вдруг все кончилось, – сказал Ник. – Только напрасно я с тобой заговорил об этом.

– Ты не заговаривал, – сказал Билл. – Это я начал. А теперь все. Больше никогда не будем говорить об этом. Ты только не задумывайся. А то опять примешься за старое.

Такая мысль не приходила Нику в голову. Казалось, все было решено бесповоротно. Над этим стоило подумать. Ему стало легче.

– Конечно, – сказал он. – Это всегда может случиться.

Ему снова стало хорошо. Нет ничего непоправимого. Можно пойти в город в субботу вечером. Сегодня четверг.

– Это не исключено, – сказал он.

– Держи себя в руках, – сказал Билл.

– Постараюсь, – сказал он.

Ему было хорошо. Ничего не кончено. Ничего не потеряно. В субботу он пойдет в город. Он чувствовал ту же легкость на душе, что была в нем до того, как Билл начал этот разговор. Лазейку всегда можно найти.

– Давай возьмем ружья и пойдем на мыс, поищем твоего родителя, – сказал Ник.

– Давай.

Билл снял со стены два дробовика. Потом открыл ящик с патронами. Ник надел куртку и башмаки. Башмаки покоробились от огня. Ник все еще не протрезвился, но голова у него была свежая.

– Ну как ты? – спросил он.

– Прекрасно. В самый раз. – Билл застегивал свитер.

– А напиваться все-таки не стоит.

– Да, пожалуй. Надо было давно пойти погулять.

Они вышли на крыльцо. Ветер бушевал вовсю.

– От такого ветра все птицы в траву попадают, – сказал Билл.

Они пошли к саду.

– Я видел вальдшнепа сегодня утром, – сказал Билл.

– Может, нам удастся поднять его, – сказал Ник.

– При таком ветре нельзя стрелять, – сказал Билл.

На воздухе вся история с Мардж не казалась такой трагической. Это было вовсе не так уж важно. Ветер унес все это с собой.

– Прямо с большого озера дует, – сказал Ник.

До них донесся глухой звук выстрела.

– Это отец, – сказал Билл. – Он там, на болоте.

– Пойдем прямиком, – сказал Ник.

– Пойдем нижним лугом, может, поднимем какую-нибудь дичь, – сказал Билл.

– Ладно, – сказал Ник.

Теперь это было совершенно не важно. Ветер выдул все у него из головы. Тем не менее в субботу вечером можно сходить в город. Неплохо иметь это про запас.

Глава пятая

[7]

Шестерых министров расстреляли в половине седьмого утра у стены госпиталя. На дворе стояли лужи. На каменных плитах было много мокрых опавших листьев. Шел сильный дождь. Все ставни в госпитале были наглухо заколочены. Один из министров был болен тифом. Два солдата вынесли его прямо на дождь. Они пытались поставить его к стене, но он сполз в лужу. Остальные пять неподвижно стояли у стены. Наконец офицер сказал солдатам, что поднимать его не стоит. Когда дали первый залп, он сидел в воде, уронив голову на колени.

Боец

Ник встал. Вроде бы ничего не сломано. Взглянул поверх рельсов на задние огни последнего вагона товарняка, исчезающего за поворотом дороги. По обе стороны железнодорожных путей поблескивала вода, дальше тянулось болото.

Ник ощупал колено. Штаны разорваны, кожа содрана. На руках ссадины, под ногти забились песок и зола. Он подошел к краю насыпи, спустился к воде и принялся мыть руки. Мыл их тщательно в холодной воде, вычищая грязь из-под ногтей. Потом присел на корточки и промыл ссадину на колене.

Эта сволочь, тормозной кондуктор! Он до него еще доберется. Он с ним еще повстречается. И уж тогда тот свое получит.

«Поди сюда, паренек, я тебе кое-что покажу».

Он попался на уловку, как дитё малое. Но уж больше его не провести.

«Поди сюда, паренек, я тебе кое-что покажу». А потом – бац, и он на четвереньках у самых рельсов.

Ник потер глаз. Над ним вспухла большая шишка. Непременно синяк будет. Глаз уже болел. Этот чертов тормозной кондуктор.

Он прикоснулся кончиками пальцев к шишке над глазом. Да ладно, будет синяк, только и всего. Он еще легко отделался. Хотелось взглянуть, как его разукрасило. Но в воде не увидать. Уже стемнело, и жилья никакого нет поблизости. Ник вытер руки о штаны, встал и поднялся по насыпи к рельсам.

Пошел по путям. Шпалы утопали в засыпке, так что идти было легко. Нога твердо ступала по утрамбованному песку с гравием. Насыпь, ровная, как шоссе, пересекала болото. Ник шел и шел, чтобы скорее добраться до людей.

На подножку товарного поезда Ник запрыгнул неподалеку от узловой станции Уолтон, когда поезд замедлил ход. Калкаску поезд – с безбилетным Ником – миновал, когда начало темнеть. Ник полагал, что находится теперь неподалеку от Манселоны: их разделяли три-четыре мили сплошного болота. Он шагал по полотну, стараясь ступать между шпалами. Болото терялось в поднимающемся тумане. Глаз болел, и хотелось есть. Он все шел, оставляя позади милю за милей. По обе стороны насыпи все время тянулось неизменное болото.

Показался мост. Ник прошел по нему. Металл рельсов гулко отзывался на каждый его шаг, а внизу, в щелях между шпалами, чернела вода. Ник столкнул ногой валявшийся на мосту костыль, и он ушел под воду. За мостом пошли холмы. Они высились в темноте по обе стороны железнодорожных путей. Впереди Ник увидел костер.

---

[7] © Перевод. В. Вебер, 2017.

Осторожно ступая, он пошел на огонь. Костер горел чуть в стороне от насыпи. Нику был виден только его отсвет. Железную дорогу проложили между холмами, и там, где горел костер, холм отступил, и видна была поляна в лесу. Ник осторожно спустился с насыпи и углубился в лес, чтобы сквозь заросли пробраться к костру. Лес был буковый, и, пробираясь между деревьями, он ощутил под ногами скорлупки буковых орешков. Наконец он ясно увидел костер на лесной опушке. Возле него сидел мужчина. Ник остановился за деревом и пригляделся. Мужчина был один, судя по всему. Он сидел, подперев голову руками, и смотрел на костер. Ник шагнул вперед, войдя в круг света.

Человек сидел и смотрел на огонь. Не пошевелился, даже когда Ник остановился совсем рядом с ним.

– Привет! – поздоровался Ник.

Мужчина поднял на него глаза.

– Где фонарь заработал? – спросил он.

– Тормозной кондуктор двинул.

– Скинул с товарного?

– Да.

– Видел гада, – кивнул мужчина. – Проехал здесь часа полтора назад. Шел по крышам вагонов, похлопывал себя по бокам и распевал.

– Подонок!

– Он, наверно, рад, что спихнул тебя. – Голос мужчины звучал серьезно.

– Я еще отплачу ему.

– Подстереги его с камнем, когда он будет проезжать обратно, – посоветовал мужчина.

– Я еще доберусь до него.

– Ты парень упертый, да?

– Нет, – ответил Ник.

– Все вы, мальчишки, упертые.

– Приходится быть упертым, – насупился Ник.

– Вот и я говорю.

Мужчина посмотрел на Ника и улыбнулся. На свету Ник увидел, что лицо обезображено. Расплющенный нос, глаза-щелки, расплывшиеся губы. Ник рассмотрел все это не сразу; поначалу заметил только, что лицо странной формы и изуродованное. Оно больше походило на размалеванную маску. И в свете костра казалось мертвым.

– Что, не нравится моя сковородка? – спросил человек.

Ник смутился:

– Да ладно вам.

– Посмотри сюда.

Мужчина снял шапку.

Ухо у него осталось только одно. Раздутое и плотно прилегающее к голове. Вместо другого уха торчал обрубок.

– Видал когда-нибудь такое?

– Нет, – ответил Ник. Его чуть замутило.

– Я могу с этим жить, – продолжил мужчина. – Ты же видишь, парень, что могу?

– Будьте уверены!

– Они обломали об меня свои кулаки, – заявил этот невысокий мужчина. – А мне хоть бы что. – Он смотрел на Ника. – Садись. Есть хочешь?

– Не беспокойтесь, – ответил Ник. – Я иду в город.

– Знаешь, – мужчина его словно и не услышал, – зови меня Эд.

– Само собой!

– Знаешь, со мной не все в порядке.

– А что с вами?

– Я чокнутый.

Он надел шапку. Нику вдруг стало смешно.

– Да все с вами в порядке, – улыбнулся он.

– Нет, не все. Я чокнутый. Послушай, ты был когда-нибудь чокнутым?

– Нет, – покачал головой Ник. – Отчего это случается?

– Не знаю, – ответил Эд. – Происходит – и ты не замечаешь как. Ты ведь знаешь меня?

– Нет.

– Я Эд Фрэнсис.

– Быть не может!

– Не веришь?

– Верю.

Ник почувствовал, что это правда.

– Знаешь, чем я их брал?

– Нет, – ответил Ник.

– У меня медленное сердце. Бьется всего сорок раз в минуту. Пощупай.

Ник колебался.

– Давай. – Мужчина взял его за руку. – Пощупай мой пульс. Возьмись пальцами – вот так.

Запястье у маленького человечка было толстым, кости обросли крепкими мышцами. Под пальцами Ник почувствовал медленное биение.

– Часы есть?

– Нет.

– У меня тоже нет, – вздохнул Эд. – Ничего не выйдет, если часов нет.

Ник отпустил руку.

– Знаешь, возьмись снова, – предложил Эд Фрэнсис. – Ты считай удары, а я буду считать до шестидесяти.

Ощущая под пальцами медленные, резкие удары, Ник начал считать. Слышал, как мужчина медленно отсчитывает вслух: раз, два, три, четыре, пять…

– Шестьдесят, – закончил Эд. – Минута. А у тебя сколько?

– Сорок, – ответил Ник.

– Верно! – обрадовался Эд. – Никогда не учащается.

С насыпи спустился человек, пересек поляну, направляясь к костру.

– Привет, Багс! – поздоровался Эд.

– Привет! – ответил Багс.

По выговору чувствовалось, что это негр. Ник уже по шагам понял, что это негр. Он стоял к ним спиной, наклонившись к огню. Потом выпрямился.

– Это мой друг, Багс, – представил вновь прибывшего Эд. – Он тоже чокнутый.

– Рад познакомиться. – Багс смотрел на Ника. – Так вы откуда, говорите?

– Из Чикаго, – ответил Ник.

– Славный город, – кивнул негр. – Я не расслышал, как вас зовут?

– Адамс. Ник Адамс.

– Он говорит, что никогда не был чокнутым, Багс, – поделился Эд.

– У него еще все впереди, – ответил негр. Стоя у огня, он разворачивал принесенный с собой сверток.

– Скоро есть будем, Багс? – спросил боксер.

– Прямо сейчас.

– Ты голоден, Ник?

– Чертовски.

– Слышишь, Багс?

– Я обычно все слышу.

– Да я не о том спрашиваю.

– Да. Я слышал, что сказал этот господин.

Он выложил на сковородку куски ветчины.

Когда сковородка накалилась и жир зашкворчал, Багс, нагнувшись над костром на своих длинных, как у всех негров, ногах, перевернул ветчину на другую сторону, стал разбивать о борт сковородки яйца и выливать их на раскаленный жир.

– Вас не затруднит нарезать хлеб, мистер Адамс? – Багс повернулся к нему. – Он в том мешке.

– С удовольствием.

Ник подошел к мешку и достал большой круглый хлеб. Отрезал шесть ломтей.

Эд приподнялся и наклонился вперед, наблюдая за ним.

– Дай-ка мне нож, Ник, – попросил он.

– Нет, не давайте, – вмешался негр. – Держите нож крепче, мистер Адамс.

Боксер вновь сел.

– Будьте добры, дайте-ка мне этот хлеб, мистер Адамс, – попросил Багс.

Ник принес ему нарезанные ломти.

– Любите макать хлеб в растопленный свиной жир? – спросил негр.

– Еще бы!

– Этим лучше займемся потом, на закуску. Пожалуйста.

Негр взял кусок жирной ветчины, положил на ломоть и сверху прикрыл яйцом.

– Теперь накройте другим куском хлеба и передайте, пожалуйста, сандвич мистеру Фрэнсису.

Эд взял сандвич и принялся за еду.

– Смотрите, чтобы яйцо не потекло, – предупредил негр. – Это вам, мистер Адамс. Остальное мне.

Ник впился зубами в сандвич. Негр сидел против него, рядом с Эдом. Горячая поджаренная ветчина с яичницей были изумительны.

– Мистер Адамс здорово проголодался, – отметил негр.

Мужчина небольшого росточка, имя которого Нику было известно, – как-никак чемпион по боксу, – сидел молча. Он не проронил ни слова после того, как негр не позволил Нику отдать ему нож.

– Могу я предложить вам обмакнуть хлеб в растопленный жир? – спросил Багс.

– Большое спасибо.

Белый коротышка посмотрел на Ника.

– А вам, мистер Адольф Фрэнсис? – Багс протянул и ему сковородку.

Эд не отвечал и смотрел на Ника.

– Я обращаюсь к вам, мистер Фрэнсис! – вновь послышался мягкий голос негра.

Эд не отвечал. Смотрел на Ника.

– Я вас спрашиваю, мистер Фрэнсис, – мягко повторил негр.

Эд продолжал смотреть на Ника. Шапку он надвинул на глаза. Нику стало не по себе.

– Какой черт тебя сюда принес? – раздался резкий вопрос из-под шапки. – Кого ты из себя корчишь? Говнюк сопливый! Приходишь сюда, хотя никто тебя не звал, жрешь чужую еду, а попросишь у тебя нож, так корчишь из себя хрен знает кого.

Он не сводил взгляда с Ника, лицо у него побледнело, шапка совсем съехала, так что глаз почти не было видно.

– Недоносок! Кто, к черту, тебя сюда звал?

– Никто.

– Правильно, черт побери, никто. И оставаться никто не просил. Пришел, наговорил гадостей о моем лице, курит мои сигары, хлещет мою выпивку да еще рассуждает, сопляк! Ты думаешь, тебе это так сойдет?

Ник ничего не ответил. Эд встал.

– Погоди, желторотая чикагская свинья! Я тебе голову проломлю! Понял?

Ник отступил на шаг. Маленький человечек медленно двинулся на него, тяжело ступая, выставляя вперед левую ногу и подтягивая следом правую.

– Ударь меня! – качнул он головой. – Возьми и ударь!

– Я не хочу бить вас.

– Тебе это так не сойдет. Я тебя отделаю, слышишь? Так что подойди и ударь первым.

– Бросьте вы, – ответил Ник.

– Ах, ты так, подонок!

Маленький человечек посмотрел на ноги Ника. А когда собрался перевести взгляд на негра, тот, шедший следом от самого костра, нацелился и нанес ему удар в затылок. Эд упал на живот, и Багс отбросил дубинку, обмотанную тряпкой. Эд лежал, уткнувшись лицом в траву. Негр поднял маленького человечка и отнес к костру. Лицо Эда выглядело ужасно, глаза открылись. Багс бережно положил его на землю.

– Принесите, пожалуйста, воду в ведре, мистер Адамс, – попросил он. – Боюсь, что ударил его чересчур сильно.

Негр брызнул ему в лицо водой и осторожно потянул за оставшееся ухо. Глаза закрылись.

Негр выпрямился.

– Все в порядке. – В голосе слышалось облегчение. – Беспокоиться нечего. Простите, мистер Адамс.

– Ничего, ничего.

Ник смотрел вниз, на лежащего мужчину. Затем увидел на траве дубинку и поднял ее. Ручка гнулась и подавалась под пальцами. Черная кожа на ней истерлась, а тяжелый конец Багс обмотал носовым платком.

– Ручка из китового уса, – улыбнулся негр. – Таких теперь не делают. Я не знал, сумеете ли вы с ним справиться, и потом не хотел, чтобы вы причинили ему боль или изуродовали еще больше.

Негр опять улыбнулся.

– Но вы сами его ударили.

– Я знаю, как ударить. Он даже не вспомнит. Мне приходится это делать, чтобы успокоить его в таких ситуациях.

Ник все еще смотрел на маленького человечка, лежавшего с закрытыми глазами в свете костра. Багс подбросил дров в огонь.

– Не бойтесь за него, мистер Адамс. Я вижу его таким не первый раз.

– Отчего он свихнулся? – спросил Ник.

– От многого, – ответил негр, стоя у костра. – Не хотите ли чашку кофе, мистер Адамс?

Он протянул Нику чашку и поправил куртку, которую подложил под голову лежащего без сознания мужчины.

– Во-первых, его слишком много били, – сказал негр, потягивая кофе. – От этого он только поглупел. Затем его сестра была его импресарио, и тогда в газетах всякое писали про братьев и сестер, о том, как она любила брата, а он любил сестру, и как они поженились в Нью-Йорке, из-за чего вышло много неприятностей.

– Я это помню.

– Естественно. Хотя скажу вам, они такие же брат с сестрой, как братец Кролик и Лис, но очень многим это не понравилось, и между ними начались ссоры, пока однажды она просто не уехала и больше не вернулась.

Он допил свой кофе и вытер губы розовой ладонью.

– Он сразу и сошел с ума. Хотите еще кофе, мистер Адамс?

– Спасибо.

– Я видел ее пару раз, – продолжал негр. – Очень красивая женщина. Очень похожа на брата. Он-то был совсем недурен, пока ему не изуродовали лицо.

Он замолк. Казалось, рассказ на этом кончен.

– А где вы с ним познакомились? – спросил Ник.

– В тюрьме, – ответил негр. – Он начал бросаться на людей, после того как она ушла, и его посадили в тюрьму. А меня – за то, что человека зарезал. – Он улыбнулся и продолжал все тем же мягким голосом: – Он мне сразу понравился, и, выйдя из тюрьмы, я его разыскал. Ему нравится считать меня чокнутым, а я не возражаю. Меня его компания устраивает, я люблю путешествовать – и даже воровать для этого не приходится. Мне нравится жить, не нарушая закона.

– Что же вы с ним делаете?

– Да ничего. Просто ездим с места на место. У него есть деньги.

– Он, наверное, здорово зарабатывал?

– Еще бы! Хотя он уже все растратил. А может быть, его обворовали. Она присылает ему деньги.

Длинной веткой он поворошил угли.

– Она замечательная женщина, – повторил Багс. – И похожа на него как две капли воды.

Негр оглянулся на маленького человечка, который тяжело дышал. Его светлые волосы свисали на лоб. Изуродованное лицо было по-детски безмятежно.

– Пора приводить его в чувство, мистер Адамс. Не сердитесь, но, я думаю, вам лучше уйти. Не хочу показаться невежливым, но, увидев вас, он может опять выйти из себя. Терпеть не могу бить его, хотя это единственный способ его успокоить, когда он разойдется. Приходится держать его подальше от людей. Вы не сердитесь, мистер Адамс? Нет, не благодарите меня, мистер Адамс. Мне следовало предупредить вас, но вы ему вроде бы очень понравились, и я понадеялся, что все обойдется хорошо. До города по железной дороге примерно две мили. Он называется Манселона. Прощайте! Я бы с удовольствием пригласил вас переночевать с нами, но об этом теперь и говорить не приходится. Может, возьмете с собой хлеба с салом? Нет? Возьмите все-таки сандвич.

Все это произносилось спокойным, низким и мягким голосом, как говорят пожилые негры.

– Ну вот и хорошо. Прощайте, мистер Адамс. Прощайте, и удачи вам!

Ник направился через поляну к железнодорожной насыпи. Оказавшись в темноте, он прислушался. Негр говорил все тем же низким, мягким голосом. Слов было не разобрать. Потом послышался голос маленького человечка:

– У меня ужасно болит голова, Багс.

– Ничего, пройдет, мистер Фрэнсис, – утешал голос негра. – Выпейте чашку горячего кофе.

Ник поднялся на насыпь и пошел по шпалам. Заметив, что держит в руке сандвич с окороком, сунул его в карман. Пока рельсы не повернули за холм, он, оглядываясь назад, видел отсветы костра на лесной опушке.

Глава шестая

[8]

Ник сидел, прислонясь к стене церкви, куда его притащили с улицы, чтобы укрыть от пулеметного огня. Ноги его неестественно торчали. У него был задет позвоночник. Лицо его было потное и грязное. Солнце светило ему прямо в лицо. День был очень жаркий. Ринальди лежал среди разбросанной амуниции ничком у стены, выставив широкую спину. Ник смотрел прямо перед собой блестящими глазами. Розовая стена дома напротив рухнула, отвалившись от крыши, и над улицей повисла исковерканная железная кровать. В тени дома, на груде щебня, лежали два убитых австрийца… Дальше по улице были еще убитые. Бой в городе приближался к концу. Все шло хорошо. Теперь с минуты на минуту можно было ожидать санитаров. Ник осторожно повернул голову и посмотрел на Ринальди. «Senta[9]*, Ринальдо, senta. Оба мы с тобой заключили сепаратный мир». Ринальди неподвижно лежал на солнце и тяжело дышал. «Мы с тобой плохие патриоты». Ник осторожно отвернулся, силясь улыбнуться. Ринальди был безнадежным собеседником.*

Очень короткая история

Однажды жарким вечером в Падуе его вынесли на крышу, и он мог смотреть на город поверх домов. В небе резвились стрижи. Вскоре стемнело, и по нему зашарили прожекторы. Остальные отправились вниз, прихватив с собой бутылки. Им с Луз были слышны их голоса с нижнего балкона. Луз присела на край его кровати. Посреди ночной духоты она была свежа и прохладна.

Уже три месяца Луз дежурила по ночам. Ей это охотно позволяли. Когда его собрались оперировать, она сама готовила его к операции, и они придумали шутку про клизму – кружку-подружку. Впадая в забытье под наркозом, он изо всех сил старался не потерять контроля над собой, чтобы не наболтать лишнего в бессознательном состоянии. Научившись передвигаться на костылях, он, бывало, сам разносил градусники, чтобы Луз не вставала с постели. Раненых было не много, и все всё о них знали. Луз все любили. Возвращаясь по коридору в палату, он думал о том, что Луз лежит сейчас в его постели.

Перед тем как настало время ему снова отправляться на фронт, они пошли в Duomo[10] и помолились. Рядом молились другие люди, в соборе было сумеречно и тихо. Они хотели пожениться, но не хватало времени для оглашения, да и метрик ни у одного из них не имелось. Тем не менее они чувствовали себя так, словно обвенчались, но им было нужно, чтобы все об этом знали и чтобы они никогда не могли это потерять.

Луз часто писала ему письма, которых он не получал вплоть до наступления перемирия. Тогда пятнадцать штук разом пришли ему на фронт, и он рассортировал их по датам и прочел подряд. Во всех говорилось о госпитале, о том, как сильно она его любит, и как не может жить без него, и как безумно не хватает ей его по ночам.

После перемирия они договорились, что он вернется домой и найдет работу, чтобы они могли пожениться. Луз не должна была приезжать до тех пор, пока он не получит хорошую работу и не сможет приехать в Нью-Йорк, чтобы встретить ее. Подразумевалось, что он не будет пить и не будет встречаться со старыми друзьями и вообще с кем бы то ни было в Штатах. Задача одна – получить работу и жениться. В поезде, по пути из Падуи в Милан, они

---

[8] © Перевод. И. Доронина, 2017.

[9] Слушай *(ит.).*

[10] Собор (*ит.*).

поссорились из-за того, что она не хотела ехать с ним сразу. Когда пришло время прощаться на миланском вокзале, они поцеловались, но окончательно не помирились. Его мучило, что они так расстались.

Он отплыл в Америку на корабле из Генуи. Луз отправилась обратно в Порденоне, где открывался новый госпиталь. Там шли дожди, и ей было одиноко в городе, где квартировал целый батальон бойцов «Ардити». Коротая зиму в промозглом грязном городишке, майор – командир батальона соблазнил Луз, у которой никогда прежде не было любовника-итальянца, и в конце концов она написала в Штаты, что их любовь была всего лишь юношеским увлечением. Ей очень жаль, и она знает, что едва ли он поймет ее, но, быть может, когда-нибудь простит и будет ей благодарен, а она – совершенно неожиданно – выходит замуж весной. Она по-прежнему любит его, но теперь отдает себе отчет в том, что их любовь была лишь детским увлечением. Она надеется, что его ждет большое будущее, и безоговорочно верит в него. И она знает, что все это на благо им обоим.

Майор не женился на ней ни весной, ни в другое время года. Луз так и не получила ответа на свое письмо в Чикаго. А он вскоре подхватил гонорею от продавщицы универмага, расположенного в Лупе[11], когда развлекался с ней, катаясь в такси по Линкольн-парку.

1924

[11] *Луп* – деловой район Чикаго.

Глава седьмая

[12]

Когда артиллерийский огонь разносил окопы у Фоссальты, он лежал плашмя и, обливаясь потом, молился: «Иисусе, выведи меня отсюда, прошу тебя, Иисусе. Спаси, спаси, спаси меня. Сделай, чтобы меня не убили, и я буду жить, как ты велишь. Я верю в тебя, я всем буду говорить, что только в тебя одного нужно верить. Спаси, спаси меня, Иисусе». Огонь передвинулся дальше по линии. Мы стали исправлять окоп, а наутро взошло солнце, и день был жаркий, и тихий, и радостный, и спокойный. На следующий вечер, вернувшись в Местре, он не сказал ни слова об Иисусе той девушке, с которой ушел наверх в «Вилла Росса». И никому никогда не говорил.

1924

Дома

Кребс ушел на фронт из методистского колледжа в Канзасе. Есть фотография, на которой он стоит среди студентов-однокурсников, и все они в воротничках совершенно одинакового фасона и высоты. В 1917 году он записался во флот и вернулся в Штаты только после того, как вторая дивизия была отозвана с Рейна летом 1919 года.

Есть фотография, на которой он и еще один капрал сняты где-то на Рейне с двумя немецкими девушками. Мундиры на Кребсе и его приятеле кажутся слишком узкими. Девушки некрасивы. Рейна на фотографии не видно.

К тому времени, когда Кребс вернулся в свой родной город в штате Оклахома, героев уже перестали чествовать. Он вернулся слишком поздно. Всем жителям города, которые побывали на войне, устраивали торжественную встречу. В этом было немало военной истерии. А теперь наступила реакция. Всем как будто казалось, что смешно возвращаться так поздно, через несколько лет после окончания войны.

Сначала Кребсу, побывавшему под Белло, Суассоном, в Шампани, Сен-Мийеле и в Аргоннском лесу, совсем не хотелось разговаривать о войне. Потом у него возникла потребность говорить, но никому уже не хотелось слушать. В городе до того наслушались рассказов о немецких зверствах, что действительные события уже не производили впечатления. Кребс понял, что нужно врать, для того чтобы тебя слушали. И, соврав дважды, почувствовал отвращение к войне и к разговорам о ней. Отвращение ко всему, которое он часто испытывал на фронте, снова овладело им оттого, что ему пришлось врать. То время, вспоминая о котором он чувствовал внутреннее спокойствие и ясность, то далекое время, когда он делал единственное, что подобает делать мужчине, делал легко и без принуждения, сначала утратило все, что было в нем ценного, а потом и само позабылось.

Врал он безобидно, приписывая себе то, что делали, видели и слышали другие, и выдавая за правду фантастические слухи, ходившие в солдатской среде. Но в бильярдной эти выдумки не имели успеха. Его знакомые, которые слышали обстоятельные рассказы о немецких женщинах, прикованных к пулеметам в Аргоннском лесу, как патриоты не интересовались неприкованными немецкими пулеметчиками и были равнодушны к его рассказам.

Кребсу стало противно преувеличивать и выдумывать, и когда он встречался с настоящим фронтовиком, то, поговорив с ним несколько минут в курительной на танцевальном вечере, впадал в привычный тон бывалого солдата среди других солдат: что на фронте он все

[12] © Перевод. Н. Дарузес, наследники, 2017.

время чувствовал только одно – непрестанный, тошнотворный страх. Так он потерял и последнее.

Лето шло к концу, и все это время он вставал поздно, ходил в библиотеку менять книги, завтракал дома, читал, сидя на крыльце, пока не надоест, а потом отправлялся в город провести самые жаркие часы в прохладной темноте бильярдной. Он любил играть на бильярде.

По вечерам он упражнялся на кларнете, гулял по городу, читал и ложился спать. Для двух младших сестер он все еще был героем. Мать стала бы подавать ему завтрак в постель, если бы он этого потребовал. Она часто входила к нему, когда он лежал в постели, и просила рассказать ей о войне, но слушала невнимательно. Отец его был неразговорчив.

До того как Кребс ушел на фронт, ему никогда не позволяли брать отцовский автомобиль. Отец его был агент по продаже недвижимости, и ему каждую минуту могла понадобиться машина, чтобы везти клиентов за город для осмотра земельных участков. Машина всегда стояла перед зданием Первого национального банка, где на втором этаже помещалась контора его отца. И теперь, после войны, машина была все та же.

В городе ничего не изменилось, только девочки стали взрослыми девушками. Но они жили в таком сложном мире давно установившейся дружбы и мимолетных ссор, что у Кребса не хватало ни энергии, ни смелости войти в этот мир. Но смотреть на них он любил. Так много было красивых девушек! Почти все они были стриженые. Когда он уезжал, стрижеными ходили только маленькие девочки, а из девушек только самые бойкие. Все они носили джемперы и блузки с круглыми воротниками. Такова была мода. Он любил смотреть с крыльца, как они прохаживаются по другой стороне улицы. Он любил смотреть, как они гуляют в тени деревьев. Ему нравились круглые воротнички, выпущенные из-под джемперов. Ему нравились шелковые чулки и туфли без каблуков. Ему нравились стриженые волосы, нравилась их походка.

Когда он видел их в центре города, они не казались ему такими привлекательными. В греческой кондитерской они просто не нравились ему. В сущности, он в них не нуждался. Они были слишком сложны для него. Было тут и другое. Он смутно ощущал потребность в женщине. Ему нужна была женщина, но лень было ее добиваться. Он был не прочь иметь женщину, но не хотел долго добиваться ее. Не хотел никаких уловок и ухищрений. Он не хотел тратить время на ухаживание. Не хотел больше врать. Дело того не стоило.

Он не хотел себя связывать. Он больше не хотел себя связывать. Он хотел жить, не связывая себя ничем. Да и не так уж была ему нужна женщина. Армия приучила его жить без этого. Было принято делать вид, что не можешь обойтись без женщины. Почти все так говорили. Но это была неправда. Женщина была вовсе не нужна. Это и было самое смешное. Сначала человек хвастался тем, что женщины для него ничего не значат, что он никогда о них не думает, что они его не волнуют. Потом он хвастался, что не может обойтись без женщин, что он дня не может без них прожить, что он не может уснуть без женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.